

Л.В.Дьякова

Историческая память и политическая поляризация в Чили

В статье рассматривается проблема общественной памяти о военном перевороте 1973 г. и политических репрессиях, осуществленных военно-авторитарным режимом А.Пиночета (1973—1990). Автор анализирует понятие «травмы памяти» применительно к Чили, когда трагические события, разделившие общество в определенный исторический период, спустя 45 лет продолжают оказывать влияние на современные политические отношения. Рассматриваются различные этапы последовательной стратегии демократических правительств по восстановлению правды и справедливости в периоды правления П.Эйлвина и Э.Фрея Руиса-Тагле, политика по сохранению памяти в годы президентства Р.Лагоса и М.Бачелет, результаты работы специальных комиссий, отношение к пиночетизму современных правых. На современном этапе существенное значение приобретает фактор усиления радикальных идейных позиций как в левой, так и в правой части политического спектра, особенно заметный в контексте проведения мероприятий памяти, связанных с 45-летием военного переворота в 2018 г. Демонстрация пиночетистских настроений со стороны ряда правых происходила параллельно с процессом радикализации левого политического спектра, набирающего силы в чилийском обществе, падением популярности традиционного левоцентризма, что особенно ярко проявилось в ходе избирательной кампании 2017 г. Анализируя перспективы чилийской модели развития, автор связывает возможности преодоления «травмы памяти» с расширением и углублением социальной политики, ее нацеленностью на преодоление неравенства и сегрегации в ряде ключевых сфер национального развития — образовании, здравоохранении, создании социальных лифтов для молодежи из бедных слоев общества.

Ключевые слова: Чили, А.Пиночет, Национальная Комиссия по правде и примирению, Р.Лагос, М.Бачелет, С.Пиньера, «Ни прощения, ни забвения».

DOI: 10.31857/S0044748X0007341-4

Статья поступила в редакцию 02.07.2019.

Людмила Владимировна Дьякова — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035, Москва, Б.Ордынка, 21/16, diakova65@mail.ru).

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-014-00042 «Политическая поляризация и механизмы консолидации разделенных обществ в Латинской Америке. Возможности и пределы компаративного опыта для России».

Исследования коллективной памяти общества представляют собой одно из важных направлений в комплексе современных социально-политических и исторических наук. Это направление возникло в 1920—1940-е годы и связано с именем французского социолога Мориса Хальбвакса, предложившего понятие «коллективной памяти», которой могут обладать общества и цивилизации и которая является социально сконструированным, т.е. в значительной степени искусственным, специально созданным и подчиненным задачам современности, феноменом. [1, с. 16]. Концепция М.Хальбвакса вызвала неоднозначную оценку историков и социологов первой трети XX в., но оказалась интересна и востребована в конце столетия, когда воспоминания о самом трагическом событии — Второй мировой войне — стали преломляться в «коллективную память» разных обществ и приобретать противоречивые, нередко противоположные и конфликтные очертания. Новый импульс исследованиям исторической памяти дали изучение воспоминаний и свидетельств о Холокосте и нацизме, публикация многочисленных исследований на эту тему, создание профильных научных журналов [2], проведение международных конференций и дискуссий, обсуждение проблемы увековечивания мест памяти. Таким образом, второстепенное направление, возникшее во многом как своеобразная социально-психологическая фантазия на тему памяти, за столетие превратилось в серьезную и самостоятельную научную дисциплину.

Одним из ключевых понятий в контексте коллективной памяти общества является так называемая травма памяти — когда трагические события, разделившие общество в определенный исторический период, предстают в форме противоречивых воспоминаний различных социальных групп и, продолжая оказывать влияние на современные политические отношения, становятся фактором повышенной конфликтности.

Эта ситуация особенно свойственна странам, пережившим авторитарные и тоталитарные режимы, периоды военных переворотов и диктатур, сопровождавшиеся насилием и репрессиями, жестоким нарушением со стороны государства всех принципов, связанных с понятием прав человека. Конец подобных режимов всегда оказывается связан со стремлением значительной части общества восстановить справедливость, обнародовать имена погибших, узнать судьбы пропавших без вести, провести масштабные расследования и осудить виновных, а также увековечить память о трагедии. Тем не менее эта задача, учитывая различные политические условия, в которых диктатуры завершают свое существование, оказывается очень сложной, и разные страны решают ее по-разному. В конце второго десятилетия XXI в. становится очевидным, что стратегия, ориентированная на преемственность, «замалчивание» проблемы и заключение «Пакта забвения» (как в Испании или Уругвае, где был «Закон об утрате силы»), будучи оправданной для короткого и сложного исторического отрезка, связанного с переходом к демократии, через некоторое время перестает работать. Конфликт, не решенный вовремя, превращается в «травму памяти» и начинает вызывать уже у части нового поколения в новых условиях жизни чувства неудовлетворенности, обиды, несправедливости. Другая крайность — решительное и жесткое наказание главных действующих лиц прежнего режима (как произошло в Аргентине, где военных судили, и они

получили пожизненные сроки). Но эти действия также не привели к ожидаемой консолидации общества, а лишь на время снизили накал социального раздражения, поскольку не сопровождались критическим осмыслением прошлого и осознанием коллективной, а не групповой ответственности за события, происходившие в период диктатуры.

В обществах, не пришедших к согласию по ряду трагических вопросов национальной истории, разрыв между множеством индивидуальных и групповых воспоминаний и представлений приводит к тому, что прошлое, как отмечает российский политолог Ирина Станиславовна Семененко, «оказывается опытным полем, на котором «от противного» выстраиваются образы будущего» [3, с. 66], и возникает проблема «разделенной памяти». Это одна из самых сложных, драматических и опасных социально-политических проблем современности, с высоким потенциалом конфликтности, способным, при неблагоприятных обстоятельствах, усилить идейные противоречия даже в стабильных, консолидированных обществах, успешно преодолевших все этапы на трудном пути восстановления демократии и правового государства.

Классическим примером радикализации общественного восприятия темы памяти на протяжении первых десятилетий XXI в. является Чили. Военный переворот 1973 г., в ходе которого пало левокоалиционное правительство Народного единства (Unidad Popular, UP) и погиб демократически избранный президент Сальвадор Альенде, стал самым трагическим событием в чилийской истории. Установившийся правоавторитарный военный режим Аугусто Пиночета просуществовал 17 лет и сопровождался жестокими актами политического террора.

В 1973—1977 гг. была запрещена деятельность всех оппозиционных политических сил. Вне закона оказались в первую очередь Социалистическая (Partido Socialista, PS) и Коммунистическая партии (Partido Comunista, PCCh), лидеры и активисты которых были арестованы, подвергнуты пыткам, многие погибли. Левое революционное движение (Movimiento Izquierda Revolucionario, MIR) в 1973—1980 гг. потеряло 250 своих наиболее активных участников, а его генеральный секретарь Мигель Энрикес погиб в 1974 г. Жестоко преследовались не только видные левые и левоцентристские политические деятели, но и просто сочувствовавшие свергнутому правительству и погибшему президенту С.Альенде. Репрессии затронули профсоюзных деятелей, журналистов левой ориентации, университетских преподавателей и студентов, творческую интеллигенцию (практически сразу после переворота был подвергнут пыткам и убит певец и композитор, активист PCCh Виктор Хара). Те, кто могли спастись, эмигрировали вместе со своими семьями. Всего из Чили в этот период уехали до 1 млн эмигрантов (при населении около 10 млн человек) [4, с. 174-176].

Особенно тяжелыми были нарушения прав человека в 1973—1976 годах. Военным режимом была создана специальная служба безопасности — Dirección de Inteligencia Nacional (DINA), под руководством генерала Мануэля Контрераса. Через пытки на Вилле Гримальди, бывшей некогда местом собрания чилийских интеллектуалов, затем — сторонников Альенде и превращенной М.Контрерасом в место заключения, прошли за эти годы около 4,500 человек, из них более 240 погибли или пропали без вести. Одной из задач DINA было уничтожение известных оппозиционных политиков и военных не только внутри, но и за пределами Чили, в эмиграции. В

рамках операции «Кондор», проводившейся совместно со спецслужбами Аргентины и Уругвая, были убиты: в США — Орландо Летельер, бывший министр иностранных дел в правительстве Альенде; в Буэнос-Айресе — бывший командующий сухопутными силами генерал Карлос Пратс (вместе с женой). В Риме было совершено покушение на лидера левых христианских демократов Бернардо Лейтона (он и его жена выжили, но остались инвалидами). К этим самым громким актам насилия, имевшим международный резонанс, можно добавить убийство профсоюзного лидера Тукапеля Хименеса, лидера молодежного крыла христианских демократов студента Марио Мартинеса, убийство на улице 19-летнего фотографа Родриго Рохаса Денегри, гражданина США, и многие другие преступления [5, с. 293].

Масштаб и жестокость репрессий в обществе с глубокими демократическими традициями ужаснули современников не только в Чили, но и в других странах, особенно в Западной Европе [6]. Среди погибших и пропавших без вести в момент переворота было много проживавших в Чили иностранцев, случайных прохожих, оказавшихся на улице и попавших на печально знаменитый Национальный стадион в Сантьяго, откуда почти никто не возвращался. Особенно тяжелые психологические последствия для общества, не знавшего массового политического насилия, имела обстановка задержаний: ночные аресты и полная неизвестность о судьбе узников, в том числе совсем юных — 17-18-летних подростков.

Вряд ли военные, принимавшие участие в этих событиях, думали о том, что своими руками создают историческую трагедию, от которой впоследствии будет вести отсчет современное чилийское общество, надолго разделенное труднопреодолимой границей между жертвами и палачами.

ПОЛИТИКА ВОЗДАНИЯ И ПРИМИРЕНИЯ

После восстановления демократии в 1990 г. тема погибших и пропавших без вести, переживших тюремные заключения и пытки, стала одной из наиболее острых и трагических в политически разделенном обществе. Ее острота была усилена компромиссным характером демократического перехода и особыми ограничениями, наложенными Пиночетом на первые демократические правительства [7]. В первую очередь это относилось к Закону об амнистии (1978 г.), защищавшему военных от судебного преследования.

В самом начале своего президентского срока Патрисио Эйлвин (1990—1994) создал «Национальную комиссию по правде и примирению» (Comisión Nacional de Verdad y Reconciliación), известную также по имени ее руководителя как Комиссия Рауля Реттига, для расследования фактов политического насилия и судеб пропавших без вести. К 1992 г. комиссия документально подтвердила 3195 случаев гибели политических заключенных [8], после чего была преобразована в Национальную корпорацию по воздаянию и примирению (Corporación Nacional de Reparación y Reconciliación). Родственникам погибших (супругам и родителям) были предоставлены денежные компенсации, медицинские льготы, детям — ежемесячные стипендии при получении среднего и высшего образования. (К 2003 г. бенефициарами этой программы стали 5099 человек.) [9, с. 10]. Однако результаты работы комиссии показали абсолютно недостаточными правозащитным организациям, а ее деятельность

стала объектом ожесточенной критики, поскольку фактически сводилась к выплатам компенсаций и предоставлению льгот, а идея судебного преследования и нравственного возмездия оставалась в стороне.

На протяжении 1994—1997 гг. печально известная Вилла Гримальди была превращена в мемориальный комплекс, рядом с которым был создан Парк мира (Parque por la Paz), который должен был стать местом памяти и просвещения молодежи. Финансирование всех работ взяло на себя правительство Чили при активном содействии правозащитных организаций, родственников погибших, волонтеров. Впоследствии (уже в 2004 г.) на вилле был открыт мемориальный зал, где висят портреты и написаны имена всех людей, содержащихся в заключении.

В конце 1999 г., при президенте Эдуардо Фрее Руисе-Тагле (1994—2000), был организован «Стол диалога» («Mesa del Diálogo»), в котором приняли участие представители организаций гражданского общества, религиозных кругов, высокопоставленные военные и видные общественные деятели. Несмотря на то, что эта инициатива не закончилась выработкой плодотворных программ или идей и вызвала раздражение правозащитных организаций, ее значимость заключалась в привлечении представителей вооруженных сил к национальному диалогу по вопросу о политическом насилии и нарушениях прав человека в период пиночетовского режима.

Таким образом, на протяжении 1990-х годов демократической власти не удалось найти однозначное решение сложных этических вопросов, которое устроило бы все политические силы и сохранило равновесие в обществе. Акцент в политике был сделан не на возмездии, а на примирении, консолидации общества на основе вновь обретенных демократических ценностей. Наказание в этот период понесли только ближайший помощник Пиночета, шеф DINA генерал Контрерас, осужденный первый раз в 1995 г. на семь лет за организацию убийства О.Летельера, и еще несколько человек из его окружения. Военные в целом как профессиональная каста, ответственная за совершенные преступления, не подверглись судебному преследованию в той мере, в какой того требовали граждане, пережившие репрессии, родственники жертв и правозащитные организации. Никаких показательных процессов против военных не было, они смогли сохранить авторитет в глазах одной части общества и укрепили чувство поправленной исторической справедливости в глазах другой. Но поскольку важные политические и социальные задачи, связанные с переходом от авторитаризма к демократии (создание новых политических институтов, проведение выборов, преодоление бедности 40% населения), к началу 2000-х годов в целом были успешно выполнены, проблема исторической памяти временно отошла на второй план, оставшись частью идейного багажа левых политических сил.

ПОЛИТИКА СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПАМЯТИ

Следующий этап более решительного восстановления исторической справедливости связан с деятельностью президента-социалиста Рикардо Лагоса (2000—2006) и его преемницы Мишель Бачелет (2006—2010). На годы правления Р.Лагоса пришелся мрачный юбилей — 30-летие военного переворота 1973 г. Президент должен был четко обозначить позицию власти,

сделать акцент на трех принципиальных моментах — «правде, справедливости и воздаянии». В речи, произнесенной 11 сентября 2003 г. по поводу трагической годовщины («Нет завтра без вчера»), Лагос сказал: «Многие демократии, пережившие в прошлом ужасные моменты, добились ... излечения своих ран и создания настоящего на основе свободы и процветания. Ни в одной из них память не была стерта, но была трансформирована в часть общей истории и в назидание новым поколениям» [9, с. 35].

В 2003 г. начала работу Национальная комиссия о политических заключениях и пытках (Comisión Nacional sobre Prisión Política y Tortura), более известная как Комиссия Валеча (Comisión Valech) — по имени ее председателя, епископа Серхио Валеча. Эта комиссия должна была продолжить работу Комиссии Реттига, занимавшейся только погибшими, и установить общее число репрессированных, в том числе выживших, но подвергшихся преследованиям, арестам и пыткам. К 2005 г. по представленным документам и заявлениям новая комиссия расследовала реальные истории и судьбы 36 тыс. человек и признала жертвами военной диктатуры 28259 случаев [8]. К 2011 г. это число увеличилось до 40 тыс. 289 человек, что признано окончательным результатом работы комиссии. Она прекратила свою деятельность в 2011 г., представив итоговый доклад следующему президенту Себастьяну Пиньере.

Государство признало свою моральную вину перед всеми жертвами политических репрессий — погибшими, их родителями, супругами и детьми, выжившими политзаключенными, получившими трагический жизненный опыт. Деятельность по финансовому возмещению живым понесенного катастрофического ущерба не отходила на второй план. Правительство увеличило все виды пенсий и льгот жертвам репрессий, оставшимся в живых, а также родственникам погибших, в число которых были включены новые группы: дети, никогда не получавшие пособий из-за того, что об их родителях ничего не было известно, дети жертв репрессий, родившиеся в тюрьме или вне брака. Желающие получить среднее профессиональное или университетское образование имели право на ежемесячные стипендии. Был создан специальный президентский фонд, рассчитанный на 200 особых пенсий для тех, кто не вошел в категорию официальных родственников-правопреемников, но смог доказать свою тесную связь и финансовую зависимость от погибшего (сестры и братья-инвалиды, семейные пары, не вступавшие в законный брак, и некоторые другие случаи) [9, с. 22]. Согласно специальному закону (№ 19.568), принятому правительством Лагоса, политическим партиям компенсировался экономический ущерб, причиненный переворотом 1973 г. (особенно это касалось партий, входивших в правительство UP, и леворадикальных организаций, помещения и имущество которых были конфискованы военными).

Президент неоднократно говорил о необходимости дальнейшего продвижения «по пути правды, справедливости и воздаяния», о необходимости совершенствования в первую очередь политических институтов, о воспитании и просвещении общества. В 2005 г. был создан Национальный Институт по правам человека (Instituto Nacional de Derechos Humanos), в задачи которого входила правозащитная и просветительская деятельность в самом широком плане, нацеленная на воспитание уважения к правам человека, а также на восстановление памяти о событиях прошлого [9, с. 32].

На протяжении 2002—2005 гг. было продолжено уголовное преследование Контрераса, начатое в 1995 г. В итоге экс-глава DINA был приговорен к нескольким пожизненным срокам за преступления против человечности (организацию похищений, убийств, пыток) и умер в заключении в 2015 г. В этот же период обвинения были предъявлены еще 500 военным, в основном — агентам DINA, 70 из которых были осуждены за убийства и похищения, в частности, генерал Серхио Арельяно Старк (как руководитель спецподразделения «Караван смерти» он получил несколько сроков, но из-за болезни Альцгеймера был переведен из тюрьмы и умер в закрытой клинике); генерал Педро Эспиноса — подчиненный Контрераса (был осужден пожизненно); бригадир Мигель Краснов (также осужден пожизненно).

Важнейшим событием этого периода стало начало судебных процессов против Пиночета, признанного в 2001 г. (после ареста 1998 г. в Лондоне и возвращения в Чили) страдающим старческим слабоумием, чтобы избежать международного суда и экстрадиции в Испанию по требованию испанских правозащитников. Но в 2002 г. 86-летний экс-диктатор все-таки был лишен поста пожизненного сенатора, а в 2004 г. Верховный и Апелляционный суды лишили его иммунитета, относящегося к судебным преследованиям, что позволило приступить к комплексному расследованию операции «Кондор». Пиночет был обвинен в организации одного из самых громких преступлений — убийстве генерала К.Пратса, а также в причастности к другим покушениям в отношении оппозиционных политиков и военных, в том числе уже находившимся в эмиграции, к убийствам и пыткам. Были выдвинуты и коррупционные обвинения. В реализации этих расследований решающее значение имели личная антипиночетовская позиция самого Лагоса — убежденного социалиста, пережившего эмиграцию, его непримиримое отношение к насилию, террору и факту свержения демократического правительства Альенде.

Смерть Пиночета 11 декабря 2006 г. не позволила завершить начатые процессы и вынести официальное обвинение, а похороны экс-диктатора стали серьезным испытанием для правительства вступившей в должность в 2006 г. М.Бачелет, которая сама являлась дочерью генерала ВВС, сохранившего верность UP и погибшего в тюрьме. Несмотря на достойное поведение нового президента и ее способность дистанцироваться от ситуации, но при этом не скрывать своих убеждений, оказалось, что многие нерешенные и трагические вопросы, связанные с деятельностью военного режима, продолжали волновать общество. Произошли столкновения сторонников и противников Пиночета; символический гроб был сожжен и брошен в реку в центре Сантьяго. В итоге Пиночет был похоронен как бывший главнокомандующий, но без почестей, соответствующих статусу главы государства (как того требовали пиночетисты). Траур был объявлен только в воинских частях и военных учреждениях, на похоронах со стороны правительства присутствовала министр обороны Вивиан Бланлот.

В январе 2010 г. при личном содействии Бачелет, был открыт Музей памяти и прав человека (Museo de la Memoria y los Derechos Humanos) — мемориально-культурная площадка, где представлены документы, фотографии и свидетельства современников, материалы деятельности комиссий по восстановлению справедливости. В музее также проводятся лекционные курсы. Все это позволяет лучше представить и понять историю 1973—1990 годов. В день открытия музея Бачелет сделала такую памятную запись: «Мы не можем изменить наше

прошлое; нам остается только осознать пережитое. Это — наша ответственность и наш долг» [10].

Таким образом, в годы президентства Лагоса и Бачелет была усилена линия на этическое осуждение военного режима и преодолена определенная граница, не позволявшая ранее приступить к судебному преследованию самого Пиночета. Это свидетельствовало о четкой позиции демократической власти. Тем не менее принципиальные вопросы, связанные с окончательной оценкой событий 1973 г. в истории страны, решены не были, точнее, продолжали рассматриваться в русле достижения политического компромисса, и прошлое для значительной части общества стало превращаться в психологический груз, неразрывно связанный с непроработанной «травмой исторической памяти».

«НИ ПРОЩЕНИЯ, НИ ЗАБВЕНИЯ»: ТЕМА ПАМЯТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

40-летие военного переворота в 2013 г. было отмечено радикализацией политических настроений, во многом связанных с общим недовольством деятельностью президента-правоцентриста Себастьяна Пиньеры (2010—2014) и нарастающим общественным разочарованием в современной политике. Неудачные социальные инициативы правительства правых, особенно проект реформы образования, ориентированный на повышение его качества в ущерб доступности, вызвали массовое протестное движение студенческой молодежи, и к трагической дате 11 сентября 2013 г., совпавшей с новой электоральной кампанией, страна оказалась в ситуации неудовлетворенных социальных ожиданий. На этом фоне события прошлого стали не столько причиной, сколько поводом подчеркнуть усиление политических и идейных расхождений уже на новом этапе, растущую политическую поляризацию идеологически активных групп общества — от ультралевых до ультраправых.

Главным в официальной позиции, представленной С.Пиньерой, являлся акцент на том, что события 1973 г. были исторической драмой, которая не должна повториться ни при каких условиях. В то же время президент говорил и о принятии прошлого, каким бы трагическим и противоречивым оно ни было. «Прошлое уже написано. Мы можем обсуждать его, интерпретировать, и, конечно, вспоминать. Но мы не имеем права оставаться его пленниками», позволять, чтобы «предыдущие поколения передавали молодым свои расколы, свою ненависть и свои конфликты» [11]; «пришло время не забыть, но преодолеть травмы истории» [12]. В рядах правоцентристов, при том, что они по-разному относились к личности самого Пиночета, преобладала тенденция к отторжению всего, что было связано с насилием и репрессиями, преследованием политических оппонентов, устрашением общества в период военного режима. Например, известный политик, кандидат в президенты от правоцентристской коалиции Эвелин Матеи — дочь генерала Фернандо Маттеи, в 1978—1989 гг. главкома ВВС — писала: «Мы должны внушать нашим детям и внукам идею о том, чтобы они мужественно вовремя отвергли то, что неприемлемо» [11]. Таким образом, умеренные правые, принявшие правила демократической жизни, стремились продемонстрировать, что в рамках своего политического опыта они сумели осмыслить самые тяжелые уроки истории.

В то же время некоторые ультраправые деятели (из партии Независимый демократический союз (Unión Demócrata Independiente, UDI) продолжали настаивать на том, что Пиночет «создал современную страну» и «спас жизнь целого поколения» [11]. В итоге, как отмечала Бачелет, в Чили «все еще существуют некоторые участники событий и целые группы людей, которые так и не раскаялись... перед лицом такой боли и таких преступлений» [12]. Сама Бачелет — в тот момент кандидат в президенты на предстоящих в 2013 г. выборах — вместе с матерью Анхелой Хериа посетила 11 сентября Виллу Гримальди, где их обеих содержали после ареста главы семьи.

С другой стороны, в левом лагере наметилась отчетливая тенденция к необоснованной идеализации правительства UP и мифологизации личности Альенде, который из политика-социалиста, борца за свои убеждения, стал превращаться в жертвенную и мученическую фигуру, что автоматически снимало с него самого и его соратников ответственность за многие трагические просчеты и ошибки. (Это признавали даже непосредственные участники событий, коммунисты и социалисты, оказавшиеся в эмиграции. Их воспоминания и статьи, опубликованные на страницах журнала «Проблемы мира и социализма», наполнены горькой, но беспощадной критикой собственной линии.) Сегодня же популистский, мифологизирующий подход не только не соответствует исторической реальности, которая намного сложнее и глубже, но и представляет опасность для воспитания современного поколения политиков, так как в рамках подобного подхода предлагается слишком односторонний взгляд на события прошлого, обесцениваются мужество и смелость многих из этих людей, сделавших свой сознательный выбор, и умаляется масштаб личности Альенде.

Таким образом, на современном этапе особенно четко обозначились три группы, представляющие различное отношение к событиям 1973 г. Это — умеренные, центристы, предпочитающие делать акцент на настоящем и будущем, относительно спокойно приняв прошлое. Официальная позиция, несмотря на разное политическое наследие, в течение более чем 30 лет развивалась в рамках именно этого подхода. С другой стороны, все активнее заявляют о себе левые и правые радикалы, усиливающие приверженность противоположным идейным символам. Для одних Альенде — мученик и жертва, а Пиночет — преступник, избежавший, вместе со своими сторонниками, справедливого наказания. Для других Пиночет — спаситель нации от коммунистической угрозы и экономической катастрофы, а Альенде и его правительство — виновники политического хаоса, заслуживающие такой участи. В этом подходе усиливаются односторонность, прямолинейность и жесткость в оценке прошлого, которое все сильнее и безнадежнее перестает быть «общим», раскалывается на воспоминания, представления и непримиримые мифы, созданные представителями различных социально-политических групп.

11 сентября 2018 г. — 45-летие трагического события — вновь совпало с президентством Пиньеры и, как и проведение памятных мероприятий, обострило дискуссию по всем критическим и спорным вопросам: о незавершенном социалистическом проекте, о деятельности UP и судьбе Альенде, преступлениях военных и особенностях перехода к демократии. В идейное противостояние оказались вовлечены известные политики и общественные деятели, завоевавшие особую популярность после выборов 2017 г., «новые левые» (объединение

Широкий фронт (Frente Amplio, FA) [13], активисты молодежного студенческого движения, правозащитные организации.

Пиньера на официальной и сдержанной (как особо отмечалось в прессе) церемонии во дворце «Ла Монеда» заявил: «Сегодня — день памяти и переосмысления... Но правильно и необходимо также вспомнить, что наша демократия не умерла внезапно тем днем 11 сентября 1973 года. Она — по разным причинам — была тяжело больна намного раньше» [14]. Президент выделил также главные уроки, которые должны усвоить из прошлого все национальные политики: левые — понимание важности единства, демократии и демократических институтов, правые — необходимость достижения компромисса и уважение к правам человека. Это неоднозначное выступление, отличающееся по тону от речи 2013 г., сразу вызвало возмущение левых политиков, усмотревших в позиции президента неуместную попытку обвинить правительство Альенде и его самого в агрессии военных, расставить политические акценты, которые раньше никто из влиятельных правоцентристов, занимающих столь высокий пост, себе не позволял. «За два дня до 45-летия переворота Пиньера обрушился на Альенде», — писали некоторые СМИ [15].

Реакция на выступление Пиньеры была во многом «подготовлена» и рядом предшествовавших событий, связанных с его президентством. Определенную роль сыграли появление на прошедших выборах ультраправого политика Хосе Антонио Каста и неожиданный результат (7,9% голосов), достигнутый им в ходе голосования. Х.А.Каст неоднократно и открыто заявлял, что, если бы Пиночет был жив, он лично голосовал бы за него, исходя из национальных интересов страны, и построил на этих идеях свою избирательную кампанию (а впоследствии партию) [16].

1 августа 2018 г. Верховный суд Чили предоставил свободу семи бывшим военным, осужденным за нарушения прав человека во время диктатуры; распространились слухи о возможном досрочном освобождении одной из самых одиозных фигур режима — Мигеля Краснова, отбывающего несколько пожизненных сроков. Это вызвало возмущение правозащитных организаций и оппозиционных левых партий, перед президентским дворцом прошли митинги и столкновения с полицией. В августе того же года со скандалом ушел в отставку министр культуры Маурисио Рохас, пробыв на посту три дня. Скандал был вызван опубликованными в прессе критическими высказываниями министра по поводу Музея памяти и прав человека, в которых музей был назван «бессовестным монтажом», с помощью которого происходит манипуляция национальной историей [17]. (Характерно, что сам М.Рохас некогда входил в леворадикальное движение MIR, при Пиночете эмигрировал в Швецию и жил там). Несмотря на то, что министр пытался оправдаться и объяснить свою позицию (это были цитаты из книги 2015 г.), часть общества восприняла все его выступления как попытку «пиночетистского реванша». Один из лидеров социалистов, экс-кандидат в президенты Алехандро Гильер, написал по этому поводу: «Новая власть демонстрирует свое несоответствие занимаемым позициям, поскольку культура — это память о том, кем мы были, рефлексия о том, кем являемся, и созидание того, кем хотим быть» [17].

В то же время нельзя не учитывать и тот факт, что более откровенная демонстрация пиночетистских настроений со стороны ряда правых шла параллельно с процессом радикализации левого политического движения,

набирающим силу в чилийском обществе, падением популярности и, фактически, распадом традиционного левоцентризма, что особенно ярко проявилось в ходе последней избирательной кампании. Некоторые этические границы, обозначенные в начале перехода к демократии и служившие ориентиром для всех влиятельных политиков 1990—2017 гг., оказались нарушены — как в левой, так и в правой части политического спектра.

На этом фоне под лозунгами «Ni olvido ni perdón» («Ни забвения, ни прощения») прошли мероприятия памяти 11 сентября, традиционно включавшие несколько ключевых моментов. Букеты цветов на улице Моранде-80, у бокового входа в президентский дворец, откуда после переворота вынесли тело погибшего президента Альенде, были возложены от социалистических партий, исторические предшественники которых входили в правительство UP. В акции у памятника Альенде на Площади Конституции участвовали все левые движения и члены правозащитной организации «Объединение родственников жертв политических репрессий» (Agrupación de Familiares de Detenidos Desaparecidos). «Чили — страна, которая не забывает», — сказала Майя Фернандес Альенде, внучка экс-президента, социалист и председатель палаты депутатов, выступая у памятника своему деду [14]. Собравшиеся скандировали: «Товарищ Сальвадор Альенде, с нами, сейчас и всегда». Затем сотни сочувствующих, в том числе и активисты протестного движения мапуче, приняли участие в шествии на Центральное кладбище, к мемориалу жертвам политических репрессий и к могилам погибших.

Памятные акции состоялись и в других местах, связанных с трагическими событиями 1973 г. или им посвященных, в различных районах города (на Вилле Гримальди, в Музее памяти и прав человека, на Национальном стадионе Сантьяго и др.). На специальной церемонии в Университете Чили университетские звания были присуждены 11 студентам, убитым во время диктатуры (дипломы получили их родители и родственники). Присутствовавшая на мероприятии 91-летняя вдова погибшего певца Виктора Хары Джоан Тернер отметила, что Чили остается разделенной страной, в которой «невероятно трудно достичь какого-то общего взгляда на историю прошлого века... Мы много говорим о справедливости, но вынесение нескольких приговоров спустя 45 лет — это не правосудие» [14]. Это мнение, уже более 30 лет разделяемое и проводимое в жизнь значительной группой, представляющей политически активную часть общества, усиливается в последнее время среди сторонников радикально-левых взглядов. Убедительнее всего о причинах сохраняющейся идейной непримиримости написал в своей книге 2007 г. Патрисио Ривас — один из лидеров MIR, переживший все события периода диктатуры: арест, пытки, изгнание и нелегальное возвращение. «В мире различий, которые нас определяют, есть нечто простое и решающее, что разделяет нас навечно: мы никогда не сделали бы с ними то, что они сделали с нами... Наши друзья, сброшенные в море или в кратеры вулканов, взорванные или похороненные в безымянных могилах, требуют не возмездия, а просто памяти» [18, с.21].

Таким образом, демократические правительства под руководством Эйльвина, Фрея, Лагоса и Бачелет с 1990 г. сделали все, что было возможно в конкретных исторических условиях, для восстановления справедливости, примирения и памяти. Но будучи выдающимися политиками и заключая политические компро-

миссы, от которых зависела судьба страны, они, лично ненавидя насилие, не смогли разрешить самую сложную из проблем памяти — этическую, возместить невозместимые потери, вернуть обществу неразделенное прошлое. Сегодня, согласно социологическим опросам, 21% чилийцев считают, что Чили — примиренная страна, 42% — что тема памяти все еще разделяет общество, и только 27% согласны с тем, что правосудие в отношении совершенных преступлений было действительно совершено [14]. Как отмечал уже упоминавшийся П.Ривас, «после Виллы Гримальди Чили никогда не будет прежней» [18, с. 21].

Можно ли считать приведенную выше точку зрения приговором чилийской модели развития, достигшей, несмотря ни на что, значительных, бесспорных политических результатов в восстановлении и консолидации демократии? Представляется, что главные риски для страны связаны все-таки не с политической (несмотря на периодическую демонстрацию непримиримых позиций), а с социальной сферой, о чем убедительно свидетельствуют периоды президентства Пиньеры и Бачелет в 2010—2018 годах. Преодоление неравенства и сегрегации в ряде ключевых сфер национального развития — в образовании, здравоохранении, доступе молодежи к востребованным профессиям и рабочим местам, создании более эффективных социальных лифтов, направленных на достижение большего равенства возможностей, — может сгладить исторические травмы, предоставив будущим поколениям шанс на глубокое и осознанное национальное примирение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сафронова Ю.А. Третья волна *memory studies*: Двадцать три года против шерсти. *Политическая наука*. М., 2018, № 3, сс.12-31. [Safronova Ju.A. Tretya volna memory studies: Dvadcat tri goda protiv shersti [The Third Wave of *memory studies*: Going against the grain for twenty-three years] *Politicheskaya Nauka*, Moscow, 2018, no. 3, pp. 12-31. (In Russ.) DOI: 10.31249/poln/2018.03.01
2. *Memory Studies Journal*. SAGE Publications, New York, 2008-2019. Available at: <http://www.journals.sagepub.com/> (accessed 11.06.2019).
3. Семенов И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2018, том 62, № 11, сс. 65-76. [Semenov I.S. Proshloe na perednem krae politiki identichnosti. [History on the Frontline of Identity Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no.11, pp. 65-76. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76
4. Moulán T. Chile actual: anatomía de un mito. Santiago de Chile: LOM, 2002, 388 p.
5. Canobbio M. Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política 1920-1994. Santiago de Chile, 1995, 339 p.
6. Evidence on the Terror in Chile /Comp. by Raul Silva. London: Merlin Press, 1974, 139 p.
7. Дьякова Л.В. «Пусть уходит!» Роль соглашений элит в трансформации военного режима Пиночета. *Латинская Америка*. М., 2018, № 9, сс. 5-16. [Diyakova L.V. "Pust uhodit!" Rol soglashenij ehlit v transformacii voennogo rezhima Pinocheta ["Let him go!" The role of elite agreements in the transformation of the military regime of Pinochet]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, no 9, pp. 5-16. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0044748X0000577-3
8. Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos-Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. Available at: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (accessed 20.11.2018).
9. No Hay Mañana sin Ayer: Propuesta del Presidente Lagos sobre los Derechos Humanos. Available at: <https://bibliotecadigital.indh.cl/bitstream/handle/123456789/183/no-hay-manana.pdf?sequence=1> (accessed 12.06.2019).
10. Museo de la Memoria y los Derechos Humanos. Available at: <https://ww3.museode-lamemoria.cl/exposicion-permanente/> (accessed 27.06.2019).

11. Pinochet gana detractores 40 años después del golpe. Available at: www.infolatam.com/2013/09/10/pinochet-gana-detractores-40-años-después-del-golpe (accessed 18.09.2013).
12. Chile a 40 años del golpe de Pinochet. Available at: www.infolatam.com/2013/09/10/chile-a-40-años-del-golpe-de-pinochet/ (accessed 18.09.2013).
13. Подробнее об этом см.: Дьякова Л.В. Чили: ревизия старых компромиссов. *Латинская Америка*, 2018, № 2, сс. 5-15 [Diyakova L.V. Chili: revisiya staryh kompromissov [Chile: Revision of old compromises]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 2, pp. 5-15 (In Russ.).
14. 11 de septiembre: la fecha que sigue dividiendo a Chile 45 años después. *El País*, 12,09,2018. Available at: https://elpais.com/internacional/2018/09/12/america/1536712846_322093.html (accessed 17.05.2019).
15. Chile: A dos días de los 45 años del Golpe de Estado, Piñera arremete contra Allende. Available at: www.cubadebate.cu/noticias/2018/09/09/chile-a-dos-dias-de-los-45-años-del-golpe-de-estado-piñera-arremete-contra-allende/ (accessed 27.09.2018).
16. La sombra de Pinochet persigue las elecciones chilenas. Available at: <https://www.france24.com/es/20171118/augusto-pinochet-elecciones-chile-2017> (accessed 26.06.2019).
17. Chile. Piden renuncia del nuevo ministro de cultura por declaraciones sobre la memoria y dd.hh. Available at: www.nodalcultura.am/2018/08/chile-piden-renuncia-del-nuevo-ministro-de-cultura-por-declaraciones-sobre-la-memoria-y-ddhh/ (accessed 21.05.2019).
18. Rivas P. Chile, un largo septiembre. Santiago de Chile, LOM Ediciones, 2007, 256 p.

Liudmila V.Diyakova (diakova65@mail.ru)

Doctor of Political Science, Leading Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences
21/16, Bolshaya Ordynka, 115035 Moscow, Russian Federation.

Historical memory and political polarization in Chile

Abstract: The article deals with the problem of public memory of the military coup of 1973 and political repressions carried out by the military authoritarian regime of A. Pinochet (1973-1990). The author analyzes the concept of "memory trauma" in relation to Chile, when the tragic events that divided society in a certain historical period, 45 years later continue to influence modern political relations. The article discusses the various stages of a coherent strategy of democratic governments to restore truth and justice during the periods of P. Aylwin and Ed. Frei Ruiz-Tagle, the policy for the preservation of the memory during the presidency of R. Lagos and M. Bachelet, the results of the work of special commissions, the attitude to pinochetism of modern right wing. At the present stage, the factor of strengthening radical ideological positions, both in the left and in the right part of the political spectrum, is of significant importance, especially in the context of memory activities related to the 45th anniversary of the military coup in 2018. The demonstration of pinochetist sentiments on the part of a number of right-wing people went along with the process of radicalization of the left political spectrum, gaining strength in Chilean society, the fall in the popularity of traditional left-centrism, which was particularly evident during the election campaign of 2017. Analyzing the prospects of the Chilean model of development, the author connects the possibility of overcoming the "trauma of memory" with the expansion and deepening of social policy, its focus on overcoming inequality and segregation in a number of key areas of national development – education, health, creating social lifts for young people from the poor.

Key words: Chile, A.Pinochet, historical memory, National Commission on Truth and Reconciliation, R.Lagos, M.Bachelet, S.Piñera, "Neither forgiveness nor oblivion".

DOI: 10.31857/S0044748X0007341-4

Received 02.07.2019.